

Сунь Юйхуа
Далянь, КНР**СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОМАНА М. А. ШОЛОХОВА «ТИХИЙ ДОН»**

АННОТАЦИЯ. В статье рассмотрены средства реализации политического дискурса в пространстве романа М. А. Шолохова «Тихий Дон», идеологически полифоничного произведения, вот уже почти век находящегося на острие идеологической полемики, которая, к сожалению, разворачивается вокруг личности и политических взглядов автора, а не вокруг политического содержания романа. Политические идеи, передаваемые в шолоховском тексте, сложны и многомерны и, по убеждению авторов статьи, не сводимы к оппозиции «свои — чужие» или триаде «красная идея» — «белая идея» — «донская идея». В романе транслируются не только политические идеи, актуальные для современной произведению эпохи, но и общеполитические категории «политического выбора», «политического противоречия», «политических средств». Автор статьи выступает против попытки связать политические идеи в романе с теми или иными персонажами, а также прослеживает неразрывную связь этих идей с гуманистическими философскими категориями, подчеркивает примат гуманистического над политическим в разработке образов конкретных персонажей. Политические идеи в тексте романа обнаруживают тенденцию к диффузии с неполитическими мотивами и идеями, в том числе с христианскими. В статье прослеживается стремление автора произведения рассмотреть специфику преломления политического дискурса через призму традиционного мышления казачества. Концепция взаимопроникновения политического и художественного типов дискурса позволяет снять неразрешимые противоречия, накопленные в критической литературе, посвященной шолоховскому шедевр.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс; художественные тексты; романы; гуманизм; русская литература; русские писатели.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Сунь Юйхуа, экс-ректор Даляньского университета иностранных языков, Председатель Совета ректоров УШОС КНР, почетный доктор Сибирского государственного технологического университета (с 2010 г.), почетный профессор Ереванского государственного университета языков и социальных наук имени В. Я. Брюсова (с 2015 г.); Даляньский университет иностранных языков (КНР, провинция Ляонин, г. Далянь); 116044, Китай, провинция Ляонин, г. Далянь, район Люйшуньюкоу, ул. Люйшуньнаньлу-сидуань, 6; e-mail: 13998484888@163.com.

В соответствии с научной традицией рассмотрения категории «политический дискурс», в центре исследовательского внимания обычно оказываются гипотезы и заключения, разработанные на основе анализа текстов институциональных политических жанров (публичных выступлений и интервью политиков, пропагандистских и предвыборных статей и т. п.). Так, А. П. Чудинов относит художественные тексты, насыщенные политическими идеями, «к дальней периферии политической речи» [Чудинов 2006], и категорически отмечает, что «дискурсивные характеристики политических текстов существенно отличаются от подобных характеристик иных текстов — научных, художественных...» [Чудинов 2003: 58]. Не пытаясь опровергнуть указанные утверждения, мы не можем не отметить, что они правомерны лишь в случае ограничения понятия «политический дискурс» сферой политической коммуникации в рамках ее традиционных жанров.

Вместе с тем в русскоязычной научной среде все заметнее попытки расширить трактовку понятия «политический дискурс», вывести его за рамки отдельно взятого вида коммуникации и проследить точки соприкосновения с иными типами дискурса [Гуляева 2009; Юркевич 2011]. Можно сказать, что исследование данного вопроса еще не вышло за пределы фазы постановки проблемы, но методологический потенциал данного подхода уже подтверждается появлением исследований более практического плана. В частности, весьма конструктивный подход к

проблеме реализации политического дискурса в пространстве художественного текста мы находим в работе А. В. Кубасова, посвященной исследованию интернет-текстов Владимира Сорокина [Кубасов 2015]. Автор статьи отмечает свободу исследуемых текстов от заранее заданных жанровых или стилистических норм, а также отмечает «кентавричность» их дискурса, т. е. формирование комплексного, двустороннего типа дискурса — политически-художественного. Тексты В. Сорокина, рассмотренные через призму «кентаврического» дискурса, носят пограничный характер, включая в себя жанровые и языковые черты авторских колонок, философских размышлений и собственно художественных текстов. К сожалению, несмотря на тщательные разыскания, нам не удалось обнаружить аналогичных исследований, выполненных на материале текстов, лежащих строго в художественной плоскости, несмотря на очевидное многообразие текстов, в которых политическое начало гармонично вписывается в художественную форму его передачи (из наиболее очевидных примеров — гражданская лирика А. С. Пушкина и К. Ф. Рылеева, «Окаянные дни» И. А. Бунина, революционная поэзия В. В. Маяковского, проза А. И. Солженицына и т. п.).

В настоящей статье мы попытались рассмотреть способы реализации политического дискурса на материале романа М. А. Шолохова «Тихий Дон», произведения, уже многие десятилетия находящегося на острие

полемики в связи с очевидной политической насыщенностью его содержания.

Положение романа М. А. Шолохова «Тихий Дон» в истории русской литературы весьма своеобразно: фокус внимания исследователей этого шедевра русской реалистической прозы тяготеет к внетекстовым составляющим; художественные достоинства произведения изучены гораздо в меньшей степени, нежели обстоятельства его создания, проблема авторства и история сложных взаимоотношений автора с политической цензурой. Произведение обросло ореолом «загадочности», «таинственности», что, на наш взгляд, стало прямым результатом недостаточного внимания к собственно литературной стороне произведения, его идейному каркасу. Наличие глубокой политической идейности, центральный характер политической темы в романе, между тем, не вызывает споров, полемика разгорается лишь по вопросу о политической сущности главной идеи произведения. С одной стороны, роман несет на себе печать личной политической приверженности автора, с другой стороны, повествование построено на основе принципа идеологической полифонии: автор предлагает в романе широкую реализацию не только тех политических идей, которым он открыто симпатизирует, но и тех, с которыми он последовательно борется. Это выражено и в откровенном нежелании автора идеализировать образы большевиков, демонизировать образы врагов советской власти, в создании многочисленных сложных, внутренне противоречивых характеров, подверженных идеологическим сомнениям, в атмосфере идейных исканий, играющей важную роль в построении художественного пространства романа. Идеологическая направленность «Тихого Дона» не нашла своего отражения в типичных для социалистического реализма художественных категориях (главный герой не переживает идейно-нравственного восхождения), что в 1930-е гг. вызывало критику романа со стороны таких видных деятелей советской культуры, как А. Н. Толстой, А. А. Фадеев, А. И. Довженко [Кузнецов 2005]. Известный советский историк и писатель Н. Л. Янчевский считал «Тихий Дон» «реакционным» и «контрреволюционным»: «Шолохов в романе „Тихий Дон“ совершенно сознательно проводит те идеи, под знаменем которых боролась здесь, на Северном Кавказе, в частности на Дону, кулацкая контрреволюция и донское дворянство, которое сейчас выброшено за границу» [Янчевский 2003: 396]. Наличие разнородных, часто меняющихся, противоречивых оценок идейно-

политической сущности «Тихого Дона» со стороны официальных органов советской цензуры отмечает видный исследователь шолоховского творчества Г. Ермолаев [Ермолаев 2005]. На наш взгляд, неоднозначность оценки политического содержания великого романа связана с одномерностью, линейностью в понимании механизмов реализации политической темы в художественном тексте, принятой в литературоведении. Классическое литературоведение, признавая возможности преломления, ограниченных трансформаций политических идей в пространстве художественного текста, тем не менее представляет механизмы трансляции в упрощенном линейном виде: «Политическая идея (в политике) — политическая позиция автора (в сознании автора) — политическая тема (в тексте) — политическая идея (в сознании читателей)». Данная схема оптимально подходит для художественных произведений, в которых политический компонент является доминирующим в соответствии с авторской интенцией, например, для стихотворения А. С. Пушкина «К Чаадаеву», В. В. Маяковского «Левый марш», для сборника М. И. Цветаевой «Лебединый стан». В применении к произведению, более крупному в плане литературной формы, к более сложному с точки зрения художественного замысла, упрощенная схема трансляции политических идей демонстрирует свою ограниченность. Это приводит, в частности, к трудностям в анализе политической идейности таких шедевров русской литературы, как роман М. А. Шолохова «Тихий Дон», Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго», рассказа Б. А. Лавренева «Сорок первый» и многих других. В этой связи идея взаимного проникновения политического и художественного дискурса с формированием единого, гармоничного, диалектически связанного, «кентаврического» идейно-образного целого, постепенно занимающая все более прочные позиции в современной филологии, обладает значительным исследовательским потенциалом.

Взаимопроникновение художественного и политического типов дискурса в романе столь заметно, что ряд критиков (ставящих под сомнение принадлежность «Тихого Дона» перу М. А. Шолохова) указывает на известную степень двойственности авторского нарратива. Двойственный характер дискурса в повествовании породил идею о двойственном характере авторства, идею о наличии «автора-поэта» и «соавтора-агитатора»: «Сочинения „соавтора“ разительно отличаются от написанного автором-создателем. Для сочиненного „соавтором“ прежде всего ха-

рактерна полная независимость от авторского поэтического замысла-образа. Здесь нет поэтики, а есть лишь отправная, голая политическая формула <...> В той мере, в какой автор является художником, — „соавтор“ — публицистом-агитатором» [Медведева-Томашевская 1974]. Утверждение о «двойном авторстве» романа, безусловно, является заблуждением, вызванным, на наш взгляд, неправильной оценкой сложных отношений между идейно-политической и художественно-образной стороной романа, между двумя дискурсивными типами, создающими единую повествовательную ткань.

К дополнительным проблемам, порождающим рассуждения о «загадочности» романа, приводит и методологическая ограниченность в анализе системы политических идей, которые трактуют строго в рамках конкретно-исторической идейной триады «красная идея» — «белая идея» — «донская идея» (основанная на отторжении социалистических, либеральных и монархических идей на Донщине как чужеродных, внешних, неактуальных и даже раздражающих; И. Н. Медведева-Томашевская, на наш взгляд, не вполне корректно называет ее «идеей донского сепаратизма»). Такой подход, основанный на историческом анализе общественно-политических процессов на Дону в 1917—1920-х гг., безусловно, имеет право на существование, однако, по нашему глубокому убеждению, он ограничивает исследовательский поиск в рамках категорий «политические силы» и «борьба за власть». Однако идейно-политическая сторона произведения М. А. Шолохова, на наш взгляд, значительно глубже: в ней находят освещение не только конкретно-исторические процессы, но и абстрактные общеполитические категории, не имеющие конкретно-исторического выражения, в частности, категории «политического выбора», «политической лояльности», «политических средств», «политического противоречия» и многие другие. Применение к тексту «Тихого Дона» методов исследования политического дискурса позволило бы преодолеть методологические границы и вскрыть глубинные пласты политической идейности, имеющие огромное значение для формирования общего идейно-художественного пространства романа.

Во многих критических исследованиях романа «Тихий Дон» (среди авторов которых следует назвать В. А. Апухтину [Апухтина 1953], Ф. Г. Бирюкова [Бирюков 1980], Е. Н. Тмарченко [Тмарченко 1990], В. М. Трофимова [Трофимов 1990]) явно прослеживается еще одна тенденция, которую, как нам представляется, есть необходимость оспорить с

предлагаемых нами методологических позиций. Речь идет о рассмотрении политических идей романа в ригидной, неразрывной связи с определенными персонажами. Так, «красная идея» рассматривается в рамках раскрытия образов Штокмана, Бунчука, Михаила Кошова, Котлярова, «белая идея» анализируется с привлечением образов Калмыкова, Листницкого, «донская идея» — при рассмотрении образов Изварина, Атарщикова, стариков-станичников. Такого рода исследовательский подход предполагает, что в механизме трансляции политической идеи образ персонажа являет собой необходимое опосредующее звено. Основываясь на методологических позициях анализа политического дискурса, мы исходим из положения о том, что политическая идея может реализовываться в пространстве художественного произведения на любом уровне, в том числе и вне системы персонажей. Более того, идейные послания, транслируемые в процессе раскрытия образа отдельно взятого персонажа, не всегда однозначны и не всегда непосредственным образом исходят из политических взглядов данного персонажа. В этом аспекте заключается одно из принципиальных отличий между политической публицистикой и художественным текстом, которое следует раскрыть подробнее. В институциональных политических жанрах (интервью, политическое выступление и т. п.) политическая идея всегда самодостаточна, она всегда занимает в идейной структуре текста центральное место, а создаваемый автором текст всегда подчинен политической идее, служит целям ее трансляции, усиления или, напротив, смягчения. В художественном тексте ситуация принципиально иная: политическая идея, выраженная теми или иными элементами политического дискурса, теряет свою самодостаточность, а создаваемый автором текст трансформирует, преломляет политическую идею через призму общего идейно-художественного замысла автора. Проходя такое преломление, политическая идея вступает в сложные отношения диалектического единства с неполитическими концепциями, претерпевает смысловые трансформации и даже приобретает некоторую степень свободы от политической позиции автора. Данное положение можно проиллюстрировать неоднозначностью поведения Подтелкова, расправляющегося с безоружными офицерами. Идея политической борьбы в данном эпизоде срастается в органическое единство с идеей ненависти, нетерпимости, антигуманизма. Подтелков считает себя народным героем, борцом за справедливость, за гуманистиче-

ские идеалы (по К. Марксу, коммунизм в сущности есть гуманизм, опосредованный через отмену частной собственности [Маркс, Энгельс, т. 42: 169]), следовательно, в описанной нами сцене можно усмотреть противоречие, нарушение цельности образа Подтелкова. Тем не менее, возвращаясь к упомянутым нами трансформациям политических идей, к сложности и диалектичности функционирования политического дискурса в пространстве художественного текста, следует трактовать рассматриваемый эпизод следующим образом: автор отнюдь не стремится представить Подтелкова «неистинным революционером», предателем революционной идеи; напротив, он стремится показать, что Подтелков — это в первую очередь человек, и только во вторую очередь революционер, носитель определенной политической позиции. Эту политическую позицию невозможно отделить от человеческой сущности героя: она теснейшим образом вплетена в художественную ткань образа. Более того, М. А. Шолохов в данном эпизоде в отрыве от образа Подтелкова рассматривает сущность политической борьбы, которая, независимо от платформы, может носить и гуманистический, и антигуманистический характер.

Используя те же закономерности взаимодействия политических и неополитических идей, автор раскрывает в образах большевиков Бунчука и Штокмана подлинную гуманистическую сущность. В монологе Бунчука («Ты не думай, что есть люди из железа... <...> В жизни нет таких, кто бы, убивая людей <...> не был нравственно исцарапанным» [Шолохов, кн. 2, гл. 20]) раскрывается его человеколюбие, сострадание, нравственность. Высокий гуманизм Бунчука, одного из главных проводников политической идейности в романе, неизбежно вступает в отношения взаимодействия с его политической позицией, образует с ней органическое единство. Большевик Бунчука нельзя отделить от его человечности: так Шолохов возвращается к идее Маркса «коммунизм есть гуманизм...», реализуя эту идею в ярком и многомерном художественном образе. Данная идея развивается автором и во внутреннем монологе Штокмана («Что связующее? Ну, общая идея... Нет, тут, пожалуй, не только идея, а и дело. А еще что? Может быть, близость опасности и смерти? И как-то по-особенному родные...» [Шолохов, кн. 3, гл. 40]). Явственное превосходство человеческого над политическим в данных иллюстрациях отнюдь не отменяет политическое, а, напротив, утверждает неразрывную связь двух начал.

Сложные взаимоотношения политиче-

ского и художественного типов дискурса создают благоприятные условия, в которых М. А. Шолохову с подлинно эпической пристальностью и достоверностью удается продемонстрировать стремление политических идей к диффузии, к сращиванию с неополитическими идеями и проблемами. В романе нет места трафаретным образам носителей и распространителей политических истин. В сознании многих персонажей политические идеи сращиваются с идеями смысловыми, ценностными, мировоззренческими, этическими. Это, безусловно, находит отражение и на уровне политического дискурса.

В русле указанной проблемы, в частности, весьма интересно проследить, как политические идеи сращиваются с неополитическими идеями, основанными на принципах христианского учения. Для иллюстрации такого рода идейного взаимодействия мы подобрали примеры с включенными единицами политической лексики. Приведенные примеры демонстрируют, что в художественном пространстве литературного произведения смысловым трансформациям, в том числе смысловым приращениям, подвергаются не только политические идеи, но и такие единицы политического дискурса, как политические термины, политические лозунги и т. п.

В сцене казни Подтелкова и Кривошлыкова предсмертная речь Подтелкова исполнена трагического пафоса. В анализе данной сцены явственно прослеживаются черты интертекстуальной связи с библейским текстом, с идеями христианского самопожертвования во имя общего блага, с идеями всепрощения. В монологе Подтелкова «Мы за трудовой народ, за его интересы дрались с генеральской псюрней, не щадя живота, и теперь вот гибнем от вашей руки! Но мы вас не клянем!.. Вы — горько обманутые!» [Шолохов, кн. 2, гл. 30] автор встраивает пропагандистские лозунговые клише («за трудовой народ») и возвышенно-революционную риторику («не щадя живота», «гибнем от вашей руки»), вместе с тем на смысловом уровне прозрачно прочитывается евангельское «Прости им, Господи, ибо не ведают, что творят» (Евангелие от Луки, 23:34).

В другой сцене романа автор приводит расширительное понимание слова «коммунист», поднимающееся над сферой политического дискурса до уровня «коммунистическая идея как источник непреходящей духовной силы, железной воли и самодисциплины». В таком прочтении коммунистическая идея входит во множество интертекстуальных и ассоциативных отношений с христианскими тек-

стами, воспринимается как символ веры:

«— А коммунисты, что же, не боятся смерти? Не такие же люди? — встрял в разговор Мишка.

Сосед Штокмана ловко подкинул винтовку, не глядя на Мишку, подумав, ответил: <...> Мне нельзя трусить. Сам себе приказал, — понял? И ты ко мне без чистых рукавичек в душу не лазай... Я знаю, за что и с кем я воюю, знаю, что мы победим. А это главное. Остальное все чепуха» [Шолохов, кн. 3, гл. 40]. В понятии «коммунист» автор соединяет политический смысл «носитель коммунистической идеи» и серию неполитических смыслов «коммунист как неустрашимый человек, как человек железной воли», «коммунист как человек непоколебимой веры в свою цель, в окончательную победу». Такое смысловое приращение, основанное на взаимодействии художественного и политического типов дискурса, с одной стороны, создает яркий художественный образ, с другой — позволяет транслировать политическую идею автора, его симпатию к коммунистическому учению.

Помимо смыслового приращения, в тексте романа встречаются и примеры смысловой деконструкции политических понятий, при которой истинная сущность политической идеи подменяется ложной, обывательской. Так, в сцене спора с Иваном Алексеевичем Григорий Мелехов подвергает сомнению сущность понятия «советская власть», вступая в известной степени в полемику с одним из наиболее актуальных текстов современного ему политического дискурса — программным выступлением В. И. Ленина «Что такое Советская власть?». Приведем ряд выдержек из ленинского текста: «Что такое Советская власть? Сущность ее <...> состоит в том, что прежде государством управляли богатые или капиталисты, а теперь в первый раз управляют государством как раз те классы, которых капитализм угнетал. <...> Первый раз в мире власть государства построена у нас в России таким образом, что только рабочие, только трудящиеся крестьяне составляют массовые организации — Советы, и этим Советам передается вся государственная власть. <...> Советская власть есть путь к социализму, найденный массами трудящихся и потому — верный, и потому — непобедимый» [Ленин, т. 38: 238—239].

Ленинский текст представляет собой классический образец политического дискурса с четким, последовательным и прозрачным изложением сущности властных отношений в новом типе общества. Понятие «Советской власти» раскрывается в нем

средствами политического дискурса.

В следующем отрывке романа «Тихий Дон» читатель обнаруживает нежелание Мелехова понимать и принимать сущность понятия «Советская власть», очерченного категориями политического дискурса:

«<...> А власть твоя, — уж как хочешь, — а поганая власть. Ты мне скажи прямо, и мы разговор кончим: чего она дает нам, казакам? <...>

— Свободу права... Да ты погоди!.. Поймай, ты чего-то...

— <...> Земли дает? Воли? Сравнивает?.. Земли у нас — хоть заглонишь ею. Воли больше не надо, а то на улицах будут друг дружку резать. Атаманов сами выбирали, а теперь сажают. Казакам эта власть, кроме разору, ничего не дает! Мужичья власть, им она и нужна. Что коммунисты, что генералы — одно ярмо» [Шолохов, кн. 3, гл. 20].

Несмотря на целый ряд явственно выраженных политических идей (свобода, зависимость, подчинение, неравенство) и элементов политической лексики (власть, коммунисты, генералы, атаманы, ярмо), идейный конфликт казака Мелехова с большевиком Котляровым, как нам представляется, состоит отнюдь не в разнице политических платформ. Суть конфликта заключается в неспособности героя оторваться от обывательского, практического, потребительского отношения ко власти. С точки зрения Мелехова, «хорошая» власть должна давать ему что-то материальное, ясно ощутимое, полезное. В этой связи уместно вспомнить ироничное стихотворение В. В. Маяковского «Рассказ литейщика Ивана Козырева о вселении в новую квартиру», в котором «правильность» советской власти для лирического героя исходит из полученной возможности помыться в ванной. Вводя в повествование это решенное в драматической художественной манере столкновение двух персонажей, М. А. Шолохов, предположительно, пытался указать на политическую близорукость казачества в целом, на слабость и неоднозначную эффективность влияния большевистского политического дискурса на сознание массы малограмотных и потребительски ориентированных казаков.

Еще одним направлением взаимодействия политического и художественного типов дискурса в романе «Тихий Дон» является художественное осмысление базовых политических идей, не имеющих конкретно-исторического содержания, в частности, идей политической борьбы, политического выбора, политической лояльности и других. Наиболее глубинному, подлинно философскому осмыслению подвергается идея поли-

тического выбора, точнее, идея его необходимости, неизбежности, идея невозможности «остаться в стороне», сохранить политический нейтралитет. Данная идея, как правило, встречается вне связи с художественным дискурсом. Так, она достаточно распространена в институциональных жанрах политических текстов, в том числе и в политическом дискурсе начала XX в.: невозможность политического нейтралитета крестьянства, неизбежность его вовлечения в водоворот революционных преобразований подробно описана В. И. Лениным в работе «Две тактики социал-демократии в демократической революции» [Ленин, т. 11: 68]. Идея неизбежности политического выбора актуальна и в современном политическом дискурсе, реализуясь, в частности, в предвыборных лозунгах «Голосуй или проиграешь», «Твой выбор — твоё будущее», «Сделай правильный выбор» и других текстах, подчиненных потребности повысить уровень политической активности населения, подтолкнуть его к принятию ответственного политического решения. В научном дискурсе идея политического выбора является предметом изучения психологических дисциплин [Дилигенский 2004].

В художественном пространстве романа «Тихий Дон» проблема политического выбора предстает в свете трагической неизбежности, наиболее ярко раскрываясь в сцене расстрела Бунчуком Калмыкова: «Они нас или мы их!.. Середки нету. На кровь — кровью. Кто кого... Понял?» [Шолохов, кн. 2, гл. 17]. Преломляясь через призму художественного дискурса, идея политического выбора органически смыкается с мотивами фатализма, безысходности, слабости человеческой воли перед стихийными силами судьбы. В результате политический выбор для героев романа предстает не ценной возможностью участвовать в политической жизни, управлять политическими процессами, а источником страданий, сомнений, разочарований, трагического исхода. Фактически это выбор без выбора, выбор, который не приближает к желаемой цели, а приносит только «полнейшее отрицание всего того, ради чего он страдал и мучился» [Сухих 2006: 9]. Данная идея является одной из центральных в романе, определяя и трагедию судьбы главного героя, и трагическую судьбу всего русского народа, прошедшего горнило Гражданской войны.

Рассматривая особенности взаимодействия политического и художественного типов дискурса в романе «Тихий Дон», невозможно оставить без внимания проблему механизмов реализации политической метафоры в пространстве художественного тек-

ста. Особенности функционирования политической метафоры в различных типах дискурса посвящен фундаментальный труд Э. В. Будаева и А. П. Чудинова «Метафора в политическом интердискурсе», в котором авторы, к сожалению, обошли вниманием сферу художественного дискурса, справедливо отмечая, в частности, следующее: «В качестве материала исследований политической метафоры специалисты чаще всего избирают политический дискурс СМИ и — несколько реже — институциональный политический дискурс. Иные разновидности политического дискурса (бытовой, художественный, научный) крайне редко привлекают к себе внимание исследователей» [Будаев, Чудинов 2006: 114]. Метафора в художественном тексте и политическая метафора между тем несут черты генетического сходства: на уровне сущности их объединяет смысловая трансформация, смысловое обогащение описываемого понятия; данный феномен получил наименование «семантической инновации» [Рикер 1998]. Создание нового смыслового «мостика» между политическим и неполитическим понятием (часто образным, поэтическим) представляет собой наиболее актуальный механизм реализации политической метафоры в художественном дискурсе. Важнейшая особенность функционирования политической метафоры в художественном тексте заключается в ее предельной образной свободе и смысловой неисчерпаемости. Доказательства этому положению несложно обнаружить даже при беглом анализе текста романа «Тихий Дон», в том числе и в таком примере: «Петр Богатырев улыбнулся в подстриженные рыжеватые усы и, насмешливо сощутив круглые голубые глаза, сказал: — Ваша Советская власть, — как лед на провесне. Чуть солнце пригреет — и она сойдет» [Шолохов, кн. 3, гл. 53].

В приведенном отрезке в метафорической форме реализуется выбор в оппозиции «временное — постоянное» в отношении политического понятия «советская власть». Выраженная метафорой «весенний лед» уверенность казаков в неустойчивости, скором крушении советской власти имеет и выраженное политическое значение, поскольку является той силой, которая, в художественном видении М. А. Шолохова, подталкивает Дончину к вооруженной борьбе. Противоположная по смыслу, но аналогичная по природе политическая метафора реализована в книге И. А. Бунина «Окаянные дни»: тают надежды на избавление от советской власти, осознание ее постоянного характера приводит к разрушению мира в сознании автора. Уместно отметить, что в приведен-

ных примерах функция метафоры заметно шире создания художественного образа, она выходит за языковые границы и восходит до мировоззренческих высот (созвучно с мнением Ф. Ницше, провозглашавшим когнитивную природу метафоры).

Семантическая расплывчатость метафоры ограничивает возможности ее применения в условиях институциональных жанров политического дискурса. В художественном тексте метафорические построения ограничиваются лишь авторским замыслом. Кроме того, в художественном тексте метафора может быть применена и как объяснительный инструмент, позволяющий преодолеть абстрактность и сложность политических понятий при трансляции их в массовое сознание. В этом отношении метафора раскрывает свой когнитивный потенциал, по выражению Р. Хоффмана, «метафора может быть применена в качестве орудия описания и объяснения в любой сфере <...> Метафора, где бы она нам ни встретилась, всегда обогащает понимание человеческих действий, знаний и языка» [Hoffman 1987: 22]. Когнитивная функциональность политической метафоры находит свое воплощение и в художественном пространстве романа «Тихий Дон». Сложные, многомерные и весьма абстрактные политические понятия «социалистическая революция» и «классовая борьба» недоступны для понимания малограмотному Григорию, поэтому в диалоге Мелехова и Гаранжи данные категории облекаются в образную форму и находят свое воплощение в метафоре «большая волна, которая все снесет» и некоторых других (вероятно, двуязычие приведенного диалога использовано автором для того, чтобы подчеркнуть универсальность используемых метафор, их широкую доступность для понимания):

«— Ты знай, — Гаранжа приподнялся и, скрипнув зубами, вытянул руки, — поднимется вэлыка хвыля, вона усэ снэсэ!

— По-твоему, что ж ... все вверх ногами надо поставить?

— Га! Власть треба, як грязные портки, скинуть <...>» [Шолохов, кн. 1, гл. 23].

Метафорическая реализация политических понятий в приведенной цитате указывает на образный, опосредованно-конкретизированный характер отражения данных понятий в сознании героев романа и, соответственно, находящегося вне активных политических процессов большинства людей.

Политические понятия и идеи в условиях художественного дискурса имеют все возможности для реализации в виде развернутых метафор на основе сложных, многомер-

ных, часто архетипических для русской культуры концептов. В нижеследующем отрезке сущность политического понятия «политическая борьба» в сознании Григория Мелехова опосредуется через развернутую метафору «матери-земли», «земли-кормилицы»: «...И помалу Григорий стал проникаться злобой к большевикам. Они вторглись в его жизнь врагами, отняли его от земли! Он видел: такое же чувство завладевает и остальными казаками. Всем им казалось, что только по вине большевиков, напавших на Область, идет эта война. И каждый, глядя на небурные валы пшеницы, на полеглий под копытами нескошенный хлеб, на пустые гумна, вспоминал свои десятины, над которыми хрипели в непосильной работе бабы, и черствел сердцем, зверел» [Шолохов, кн. 3, гл. 9].

Концепт «земли» как ядерный компонент картины мира русского казачества является в данном случае своеобразным «ключом», позволяющим осмыслить абстрактный, не входящий в привычную языковую картину мира, не связанный с когнитивным опытом героя феномен («политическая борьба») посредством феномена более привычного, когнитивно структурированного, разложимого на отдельные конкретные образы (ритм сельскохозяйственных работ, урожай, труд на пашне и т. п.). Политическая метафора, как и всякая прочая метафора, является продуктом метафоричности человеческого мышления и, следовательно, опирается на систему базовых концептов языковой картины мира. Политическое понятие, реализованное в пространстве художественного текста, в значительной степени теряет смысловую универсальность, которая сохраняется в условиях политических текстов. Понятия «борьба за власть», «классовые интересы», «политическая свобода», «политическая лояльность» и многие другие в условиях художественного дискурса сращиваются с неполитическими идеями и концептами, претерпевают значительные смысловые трансформации и запускают совершенно иные механизмы восприятия и реакции.

Вышеприведенные размышления, на наш взгляд, в достаточной степени иллюстрируют богатые возможности взаимодействия, взаимопроникновения и взаимного влияния политического и художественного типов дискурса. В заключение необходимо отметить, что проблематика, связанная с анализом возможных точек соприкосновения двух указанных типов дискурса, крайне обширна и ждет своего кропотливого исследователя. Дальнейшие изыскания могут и должны раскрыть новые стороны взаимоот-

ношений политической лингвистики, политического дискурса и мира художественной литературы. По нашему глубокому убеждению, категория политического дискурса не является внешней, чужеродной, неприемлемой ни для одной из сфер гуманитарного знания. Таким образом, перед научным сообществом открываются значительные перспективы по объединению проблем политического дискурса и дискурса художественной литературы в единое исследовательское целое, связанное с выявлением новых объектов изучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апухтина В. А. Художественные принципы изображения исторической действительности в романе М. Шолохова «Тихий Дон». — М.: МГУ, 1953.
2. Бирюков Ф. Г. Художественные открытия Михаила Шолохова. — М.: Современник, 1980. 368 с.
3. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политическом интердискурсе / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2006. 215 с.
4. Гуляева Т. В. Политический и художественный дискурс: точки соприкосновения // Вестн. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2009. № 2. С. 36—40.
5. Дилигенский Г. Г. Социально-политическая психология / Ин-т «Открытое общество». — М.: Наука, 1994. 304 с.
6. Ермолаев Герман. «Тихий Дон» и политическая цензура. 1928—1991. — М.: ИМЛИ РАН, 2005. 255 с.
7. Кубасов А. В. Политический дискурс в художественном электронном тексте (Владимир Сорокин в интернет-журнале

Sun Yuhua
Dalian, China

POLITICAL DISCOURSE ELEMENTS IN M.A. SHOLOKHOV'S NOVEL "AND QUIET FLOWS THE DON"

ABSTRACT. *The article touches upon the elements of political discourse found in M.A. Sholokhov's novel "And Quiet Flows the Don", which, being an ideologically polyphonic masterpiece, for almost a century creates polemical turbulence over the author's personality, while the complex nature of ideological content of the novel is often ignored. Sholokhov's political ideas, conveyed in his novel, are multi-layered and polyphonic; they cannot be studied solely within the opposition of "our" — "their" or within the triangle "Red ideology" — "White ideology" — "Don Cossack ideology". The novel does not only contain the set of political ideas, contemporary to its plot, but also a set of universal concepts of "political choice", "political conflict", "political means", etc. This article denies the attempt to treat the novel's characters as bearers of ideological views, but it highlights connection between political ideas and universal humanistic concepts, it also underlines the domination of humanism over political views in characters' depiction. Political ideas in the novel tend to blend with non-political ideas and motives, including Christian ideology. The article studies the peculiarities of political discourse influence over the masses of Don Cossacks. The idea of blending political and artistic types of discourse can potentially overcome the contradictions, commonly found in research papers on the Sholokhov's masterpieces.*

KEYWORDS: political discourse; literary texts; novels; humanism; Russian literature; Russian writers.

ABOUT THE AUTHOR: Sun Yuhua, former President of Dalian University of Foreign Languages, President of the China Office of SCO University, Honorary Professor of the Siberian State Technological University (since 2010), Honorary Professor of the Yerevan State University of Languages and Social Sciences named after V. J. Brusov (since 2015); affiliation: Dalian University of foreign languages (China, Liaoning province, Dalian).

REFERENCES

1. Apukhtina V. A. Khudozhestvennyye printsipy izobrazheniya istoricheskoy deystvitel'nosti v romane M. Sholokhova «Tikhiy Don». — М.: МГУ, 1953.
2. Biryukov F. G. Khudozhestvennyye otkrytiya Mikhaila Sholokhova. — М.: Sovremennik, 1980. 368 s.
3. Budaev E. V., Chudinov A. P. Metafora v politicheskom interdiskurse / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2006. 215 s.
4. Gulyaeva T. V. Politicheskii i khudozhestvennyy diskurs: tochki soprikosnoveniya // Vestn. Perms. un-ta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya. 2009. № 2. S. 36—40.
5. Diligenskiy G. G. Sotsial'no-politicheskaya psikhologiya / In-t «Otkrytoe obshchestvo». — М.: Nauka, 1994. 304 s.
6. Ermolaev German. «Tikhiy Don» i politicheskaya tsenzura. 1928—1991. — М.: IMLI RAN, 2005. 255 s.
7. Kubasov A. V. Politicheskii diskurs v khudozhestvennom elektronnom tekste (Vladimir Sorokin v internet-

zhurnale «Snob») // Politicheskaya lingvistika. 2012. № 4. С. 201—204.

8. Кузнецов Ф. Ф. «Тихий Дон»: судьба и правда великого романа / РАН ; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького ; науч. ред. А. Л. Гришунин. — М.: ИМЛИ РАН, 2005. 864 с.
9. Ленин В. И. Полн. собр. соч. В 55 т. Т. 38. Изд. 5-е.
10. Маркс К., Энгельс Ф. Полн. собр. соч. Т. 42. Изд. 2-е.
11. Медведева-Томашевская И. Н. «Стремя «Тихого Дона» (загадки романа). — Париж : YMCA Press, 1974.
12. Рикер П. Время и рассказ. Т. 1. Интрига и исторический рассказ. — М.; СПб.: Университетская книга, 1998. 313 с.
13. Тмарченко Е. Н. Идея правды в «Тихом Доне» // Новый мир. 1990. № 6. С. 237—248.
14. Трофимов В. М. Личность и история в идейно-художественной системе эпопеи «Тихий Дон» // Творчество М. А. Шолохова и советская литература. — Ростов н/Д : Изд-во Ростов. ун-та, 1990. С. 36—41.
15. Чудинов А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие. — М.: Флинта : Наука, 2006. 254 с.
16. Чудинов А. П. Дискурсивные характеристики политической коммуникации // Политическая лингвистика. 2012. № 2.
17. Шолохов М. А. Тихий Дон. Кн. 1, 2. URL: <http://lib.ru/PROZA/SHOLOHOW/tihijdon12.txt>.
18. Шолохов М. А. Тихий Дон. Кн. 3, 4. URL: <http://lib.ru/PROZA/SHOLOHOW/tihijdon34.txt>.
19. Юркевич В. В. Политический и художественный виды дискурса: сходства и различия // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2014. № 6. С. 106—110. (Филология. Искусствоведение ; вып. 88).
20. Янчевский Н. Л. Реакционная романтика // Новое о Михаиле Шолохове. Исследования и материалы : сб. статей. — М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 395—434.
21. Hoffman R. R. What could reaction-time studies be telling us about metaphor comprehension? // Metaphor and Symbolic Activity. 1987. P. 147.

zhurnale «Snob») // Politicheskaya lingvistika. 2012. № 4. С. 201—204.

8. Kuznetsov F. F. «Tikhiy Don»: sud'ba i pravda velikogo romana / RAN ; In-t mirovoy lit. im. A. M. Gor'kogo ; nauch. red. A. L. Grishunin. — М.: IMLI RAN, 2005. 864 s.
9. Lenin V. I. Poln. sobr. soch. V 55 t. T. 38. Izd. 5-e.
10. Marks K., Engel's F. Poln. sobr. soch. T. 42. Izd. 2-e.
11. Medvedeva-Tomashevskaya I. N. «Stremiya «Tikhogo Dona» (zagadki romana). — Parizh : YMCA Press, 1974.
12. Riker P. Vremya i rasskaz. T. 1. Intriga i istoricheskiy rasskaz. — М.; SPb.: Universitetskaya kniga, 1998. 313 s.
13. Tamarchenko E. N. Ideya pravdy v «Tikhom Done» // Novyy mir. 1990. № 6. S. 237—248.
14. Trofimov V. M. Lichnost' i istoriya v ideyno-khudozhestvennoy sisteme epoei «Tikhiy Don» // Tvorchestvo M. A. Sholokhova i sovetskaya literatura. — Rostov n/D : Izd-vo Rostov. un-ta, 1990. S. 36—41.

15. Chudinov A. P. Politicheskaya lingvistika : ucheb. posobie. — M. : Flinta : Nauka, 2006. 254 s.
16. Chudinov A. P. Diskursivnye kharakteristiki politicheskoy kommunikatsii // Politicheskaya lingvistika. 2012. № 2.
17. Sholokhov M. A. Tikhiy Don. Kn. 1, 2. URL: <http://lib.ru/PROZA/SHOLOHOW/tihijdon12.txt>.
18. Sholokhov M. A. Tikhiy Don. Kn. 3, 4. URL: <http://lib.ru/PROZA/SHOLOHOW/tihijdon34.txt>.
19. Yurkevich V. V. Politicheskii i khudozhestvennyi vidy diskursa: skhodstva i razlichiya // Vestn. Chelyab. gos. un-ta. 2014. № 6. S. 106—110. (Filologiya. Iskusstvovedenie ; vyp. 88).
20. Yanchevskiy N. L. Reaktsionnaya romantika // Novoe o Mikhhaile Sholokhove. Issledovaniya i materialy : sb. statey. — M. : IMLI RAN, 2003. С. 395—434.
21. Hoffman R. R. What could reaction-time studies be telling us about metaphor comprehension? // Metaphor and Symbolic Activity. 1987. P. 147.